

Ю. В. Балакшина

Обзор дискуссий

Доклад *Наталии Дмитриевны Игнатович (СФИ, Москва)* «Проблемы изучения феномена “братства” в современной исторической науке» вызвал оживленную дискуссию о том, какого рода источники могут дать информацию о братстве как о духовном церковном единстве, а не только как об организации, занимающейся внешней деятельностью. На примере Крестовоздвиженского трудового братства, созданного Н. Н. Неплюевым, Наталия Дмитриевна показала особую ценность документов, происходящих из внутрибратской среды: отчеты основателя братства Николая Николаевича Неплюева, переписка братчиков, которая началась уже после того, как братство было разгромлено; мемуары аббата Гросье, включающие обширные цитаты из писем братчиков. При этом по другим братствам, возникшим в Российской империи во второй половине XIX в., в научный оборот введено недостаточно источников личного происхождения.

Лидия Владимировна Крошкина (СФИ, РГГУ, Москва) предложила с особым вниманием отнестись к региональной прессе, в которой время от времени публиковались проповеди братских священников, впечатления и рассказы о братских праздниках, описания событий, по названию с братством не связанных, но при внимательном исследовательском подходе позволяющих увидеть новые явления во внутренней жизни братств. «Я имею в виду не столько епархиальные ведомости, сколько журналы, газеты, листки, которые выпускали приходы. Например, тверской приход в дер. Власьево организовал Общество трезвости, приют, школу. Силами приходского священника издавался журнал “К свету”. Изучение только этого журнала дает множество нитей к другим подобным журналам и газетам, которые действительно еще почти не прочитаны».

Евгения Георгиевна Парфенова (Екатеринбург) высказала предположение о том, что феномен братства, особенно в аспекте его внутренней жизни, можно исследовать на пересечении истории с другими науками, в частности, с такими богословскими дисципли-

плинами, как экклезиология и антропология. Эту точку зрения поддержал *Константин Петрович Обозный (СФИ, Москва)*, он отметил, что «в настоящее время практически все исследования, посвященные братскому движению, упираются в вопросы экклезиологии». Вопрос о братствах связан с неприходским типом устройства церковной жизни, место которого в существующей системе церковного устройства по-прежнему не прояснено и вызывает острые споры. «Конечно, историческая антропология и социальная история также могут дать богатый материал для изучения братского движения в России».

Маргарита Васильевна Шилкина (СФИ, Москва) обратила внимание на особые усилия основателя Крестовоздвиженского трудового братства Н. Н. Неплюева для популяризации идей братства: он ездил с лекциями по разным городам, публиковал брошюры и статьи в журналах, призывал к созданию Всероссийского братства. «Можно ли найти другие примеры, когда сами братства пытались что-то о себе заявить, рассказать, заняться апологией братского движения?» Отвечая на этот вопрос, *Н. Д. Игнатович* назвала статьи священника Михаила Попова, еп. Андрея (Ухтомского), посвященные братствам и опубликованные на страницах епархиальных ведомостей. При этом отметила, что в конце XIX и даже начале XX в. у официальных церковных структур, епархиальных миссионеров братские движения и общины вызывали подозрения в неправославности, нецерковности, поэтому у братств зачастую не было возможности публиковать свои документы на страницах официальной церковной печати. Ситуация отчасти начала меняться только после выхода манифеста «О веротерпимости» в 1905 году.

Доклад канд. ист. наук *Владимира Ильича Лавренова (Тверь)* был посвящен символике российских православных братств («Вычурная простота»: символика православных братств Российской империи). Отметив неразработанность в науке заявленной темы, докладчик предложил вниманию слушателей первую попытку обзора символики братств, включающего не только гербы, печати, знаки, жетоны, но и разного вида хоругви, братины, братские иконы и даже печатные материалы (стихи, дипломы, уставы, членские билеты) и многое другое.

Источники по символике братского движения на настоящий момент не выявлены и не собраны, однако, очевидно, что наибольшее распространение имели предметы фалеристики (знаки, жетоны, значки, медали). Причем шесть братских знаков получи-

ли Высочайшее утверждение, два или три были учреждены правительствующим синодом, а остальные благословлялись местным епархиальным начальством.

«Самым распространенным символом на братских знаках, жетонах и дипломах был Крест (трилистный, процветший, лапчатый и др.) с изображением Христа, Богоматери или какого-либо святого. На них наносились аббревиатуры или полные наименования братств, а также изречения из Священного писания или призывы: “Вера без дел мертва есть”^{*1}, “Болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя”^{*2}, “Сия есть победа, победившая мир, вера наша”^{*3}, “Возлюбиши ближняго своего, яко сам себе”^{*4}, “Владей славой и не сдавайся”, “Дух есть, иже оживляет”^{*5}, “Братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите”^{*6}, “Убеди внити, да наполнится дом мой”^{*7} и т. д.»

*1 Иак 2:26

*2 Ин 15:13

*3 1 Ин 5:4

*4 Мк 12:31

*5 Ин 6:63

*6 1 Пет 2:17

*7 Лк 14:23

Отвечая на вопрос об отношении народа к нагрудным знакам членов братств, Владимир Ильич подчеркнул, что людям нравилось выглядеть хорошо и красиво, поэтому знаки создавались с большим вкусом и любовью. Так, из ныне известных самым красивым считается знак Камчатского православного братства, который имел три степени, он был изготовлен из золота и серебра и украшен холодными эмальями. Нагрудные знаки были призваны стимулировать активность и жертвенность братчиков: самый дешевый вариант выдавался всем, а дорогой — почетным членам, тем, кто особо потрудился для братства, жертвовал на его деятельность. Наконец, знаки становились формой корпоративной солидарности, позволявшей преодолеть сословные различия: «Участие в различных губернских или столичных балах, в благотворительных званых обедах членов братства, украшенных братскими нагрудными знаками, создавало принадлежность к одной корпорации, в которую могли входить как чиновники достаточно высокого уровня, так и купцы, не обладавшие сословными привилегиями».

В докладе Лавренова были приведены редкие факты, связанные с судьбой братской символики. Так, например, слушатели узнали, что единственная реальная печать Могилевского Божоявленского братства, которая могла заверять братские документы, относится к XVIII в. и хранится в музее Преображенского братства. На печати изображены восьмиконечный крест, Евангелие, чаша (потир) для причастия и небольшое пламенеющее сердце. Не сохранились образцы братских хоругвей, но в армии адмирала Колчака существовали особые части, бывшие одновременно и религиозными

братствами — Дружины Святого Креста, которые возродили традицию использования хоругвей как военных знамен.

Докладчик призвал участников конференции обратить внимание на этот любопытный пласт истории православных братств и посмотреть в документах, архивах, на братских фотографиях, какие были печати, значки, знамена и другие интересные примеры братской символики. По мнению В. И. Лавренова, братская символика — часть общеевропейского явления корпоративной геральдики. «При благоприятных обстоятельствах своего развития в России она могла бы стать не только внешним свидетельством красоты и достоинства братской жизни, быть привлекательным и ярким инструментом коммуникации самых разных слоев российского общества, но и подлинным выражением его единства и солидарности».

Дискуссия, развернувшаяся после доклада В. И. Лавренова, подтвердила, что в области изучения братской символики есть еще много интересных неисследованных фактов. Так, *Н. Д. Игнатович* рассказала о том, что в уставе Крестовоздвиженского трудового братства упоминаются эмблема и хоругвь братства. Известно, что после приема новичков в члены старшего братского кружка Николай Николаевич Неплюев выносил хрустальную чашу, отпивал от нее сам и давал отпить по старшинству тем, кто вступал в кружок. Поступающим в Воздвиженскую школу вручали значки. Сохранилась речь Николая Николаевича, посвященная значению этого значка.

К. П. Обозный вспомнил, что в 50-е гг. о. Павел Адельгейм во время своей учебы в Киевской духовной семинарии принял участие в создании нагрудного знака семинариста. Идея возникла у актива их курса: «У комсомольцев есть значки, у пионеров есть, а семинаристы вот как-то...» Студенты собрали средства, обратились к мастеру, и тот изготовил несколько десятков значков. Однако когда студенты однажды появились в стенах семинарии с особыми значками, их инициатива вызвала крайне негативную реакцию руководства, значки сдирали с них едва ли не силой. Характерно, что даже в то время в Советском Союзе у людей была тяга свидетельствовать о своей вере, о своем выборе, в том числе и при помощи нагрудных знаков.

Истории братств юго-западной Руси был посвящен доклад канд. ист. наук *Светланы Станиславовны Лукашовой (Ин-т славяноведения, Москва)* «Православные братства Киевской митрополии в XVI веке: между ортодоксией и ересью». Отмечая, что

союзы мирян существовали в православных восточно-славянских землях и до XVI в., С. С. Лукашова подчеркнула, что только с приходом католиков в конце XVI в. возникла «необходимость юридического правового оформления традиционных отношений». Однако братства создавались не для борьбы с католическим влиянием, как это подавала историография второй половины XIX в., а для решения внутрицерковных проблем. В эпоху безвременья, в условиях дефицита епископской власти, спровоцированного личным недостойнством ряда архиереев, слабости богословской школы, братства попытались претворить в жизнь масштабные церковные преобразования. «Братчики потребовали повсеместного введения регулярного школьного образования, создания типографий и необходимости контроля над деятельностью школ и типографий»; «добились получения особого церковного статуса для братства»; «стали участниками управления всей Киевской митрополии».

В докладе Лукашовой отмечалось, что источники позволяют установить общее число братств (к концу XVI в. — около 40), имена старших братчиков, управлявших конкретными церковными организациями, но не дают возможности назвать «идеологов братского движения». Не исключено, что их имена скрывались из-за боязни репрессий, возможно, действительно имел место «соборный феномен», когда «результат был предопределен деятельностью всех участников братского движения».

Уникальность братств XVI в. С. С. Лукашова видит также в их самобытности. Имея перед собой примеры католических союзов, юго-западные братства не спешили копировать их опыт, «полное бесправие мирян по отношению к церкви и пассивная роль пасомых их совершенно не устраивали». Возможно, поднятию статуса и авторитета братств способствовали греческие купцы, которые жили во Львове и обеспечивали регулярное почтовое сообщение между Львовом и Константинополем. Однако братства возникли и во многих других городах, не имевших прямых связей с православным Востоком. Православная Россия не имела возможности влиять на процесс укрепления братств из-за кризисных явлений, начавшихся в ней в 60-х гг. XVI в.; восточные патриархи, хотя и корректировали и утверждали уставы братств, по сути застали уже сложившееся братское движение.

В ходе дальнейшей дискуссии С. С. Лукашова обратила внимание слушателей на то, что «в большинстве исследований, посвященных братствам, смешиваются в единое целое братства

XVI и XVII вв.», между тем, как они заметно отличались и по составу, и по целям, и по ориентациям, и по отношению к церкви. Если в XVI в. братства боролись за оздоровление церковной жизни, восстановление православной иерархии, то в XVII в. они занимались благотворительностью, просветительской и издательской деятельностью. После подписания Брестской унии братства были вынуждены резко сменить курс, отказались от планов реформ и переключились на новую цель — защиту православия.

Особой темой для обсуждения стал вопрос о составе православных братств. Если они «создавались людьми не знатными и не влиятельными в условиях, когда собственная православная элита переходила в католицизм или сближалась с протестантскими группами», то каким образом они сумели добиться серьезного влияния на церковную жизнь Киевской митрополии? Светлана Станиславовна ответила, что «братства не могли пользоваться никакими политическими рычагами для защиты своих интересов или для проведения своих реформ, поэтому были вынуждены обращаться к православной шляхте и уже через шляхту говорить о своих интересах». Духовенство в XVI в. могло входить в состав братств только в статусе «почетных гостей». Настоятель прихода мог пользоваться духовным авторитетом, но возглавляли братства миряне, мещане. Ситуация изменилась в XVII в., когда представители духовенства стали вполне обычными членами братств, настоятель же получил статус главы братства по определению.

Комментируя вопрос о переходе Львовского братства в унию, С. С. Лукашова сказала, что Львовский ставропигион — один из последних форпостов православия на юго-западных землях — был вынужден принять унию в результате Северной войны. К падению Львовского ставропигиона привели события, связанные со шведской оккупацией. Католики и униатская церковь делали все для того, чтобы подчинить братства своей юрисдикции, поскольку православные братчики рассматривались как потенциально политически ненадежные элементы. Последние очаги православия в Речи Посполитой пали жертвой Северной войны. Угасание братств было связано в первую очередь с политическими причинами, а не с их внутренним истощением.

После перехода в унию часть архивов Львовского ставропигиона была уничтожена. Но сохранились документы поместных соборов Киевской митрополии, из которых видно, что «братства были признаны как самостоятельная величина, сопо-

ставимая и с приходом, и с епархией, и с монастырем». Во время соборов братства выступали как консолидированная сила. Хорошо изучены и изданы источники, связанные с Львовским братством, в то же время на настоящий момент известно порядка 40 братств, документы которых еще ждут своих исследователей и публикаторов. Возможно, необходимо переиздать классические источники или хотя бы осуществить их качественную оцифровку.

Большая часть докладов конференции была посвящена братствам, которые возникли в России после 1861 г. Доклад д-ра филол. наук *Юлии Валентиновны Балакшиной* «Дискуссия о братствах в русской печати 1860-х годов» вызвал обсуждение причин пробуждения интереса к явлению братств во второй половине XIX в. Участники конференции констатировали очевидную историческую причину — отмену крепостного права, оживившую общественную жизнь в России и поставившую вопрос о необходимости возрождения местного самоуправления, и предложили поговорить о внутренних церковных импульсах, стимулировавших рождение братств.

Так, *свящ. Георгий Кочетков (ректор СФИ, Москва)* подчеркнул, что братства в России возникали и до 1861 г., в частности, напомнил о духовной семье под названием «Любовь братства»¹, созданной в Костромской губернии в 1847–1848 гг. дьяконом Николаем Поповым, и предложил сделать акцент «на этих внутренних интенциях, на этих внутренних импульсах, которые приводили к возрождению братской жизни, особенно при перемене внешних условий», в первую очередь проследить связь братств с творческим наследием славянофилов.

Людмила Владимировна Комиссарова (СФИ, Москва) обратила внимание на то, что в 40–50-е гг. XIX в. в русской церкви активно обсуждалась проблема упадка приходской жизни и отпадения от православия. Возможно, идея возрождения братств, поддержанная на государственном уровне, мыслилась как форма оживления приходской жизни и альтернатива так называемым сектантству и расколу.

В ходе дискуссии остро встал вопрос о влиянии государства на судьбу братств. После принятия в 1864 г. основных правил

1. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России : XIX век. М. : Наука, 1978. 344 с.; Комиссарова Л. В. О «Любви братства» // Кифа. 2012. Декабрь. № 16 (154). С. 1, 8.

для учреждения православных церковных братств многие церковные объединения начали по сути превращаться в благотворительные, просветительские и другие организации. Братства становятся своего рода государственным проектом, призванным решать задачи окультуривания инородцев, помощи социально неимущим слоям населения, другие околоцерковные вопросы, что вызывает резкую критику пионеров братского движения, в частности, священник Александра Гумилевского, который призывает заботиться о том, чтобы «воскресить в народе нашем дух истинно братской любви к своим братьям, а не о том, чтобы сформировать то или иное общество».

Истории становления и развития братства, созданного священником Александром Гумилевским, был посвящен доклад *Татьяны Александровны Трефиловой (историк-краевед, Санкт-Петербург)* «Христорождественское братство: трудности становления». Именно это братство, созданное в 1863 г. при храме Рождества Христова на Песках в Санкт-Петербурге, находилось у истоков братского движения, охватившего Россию во второй половине XIX века.

Татьяна Александровна проследила, какие шаги привели молодого выпускника СПбДА к идее создания братства: воскресная школа для взрослых (1860), издание журнала «Дух христианина» (1861), цикл статей о братствах юго-западной Руси (1862), создание в приходе кассы для бедных за счет регулярных пожертвований обеспеченных прихожан; организация приюта для нищих, престарелых и малолетних прихожан (1863). «Но главной идеей о. Александра, — отметила докладчица, — было основание Братства, чтобы молящиеся в одном храме люди узнали, полюбили друг друга и вместе пришли на помощь нуждающимся. Он верил, что любовь к Богу невозможна без любви к ближнему, и считал, что помощь бедным — это та почва, на которой может вырасти братская любовь».

Особое внимание Т.А. Трефилова уделила трудностям, с которыми столкнулся создатель одного из первых в пореформенной России православных братств. Во-первых, священник Александр Гумилевскому пришлось преодолевать инерцию церковного и общественного сознания, для которого слово «братство» было связано с лозунгами Французской революции, с представлениями о тайных масонских обществах или неправославных сектах. Во-вторых, о. Александр предложил альтернативу традиционной индивидуальной благотворительности, привычке «дать немного

денег, уйти и забыть про бедного и больного», что также непросто принималось разобщенными столичными жителями. В-третьих, он делал большой акцент на внутренней жизни братства, реальных отношениях любви между прихожанами и пытался отразить это в Уставе братства, что было мало понятно государственным чиновникам. «В то время как о. Александр добивался утверждения довольно сложного устава своего братства, священник Благовещенской церкви на Васильевском острове Николай Делицын в 1862 г. написал проект устава приходского благотворительного общества, который отличался практичной ясностью и без всяких затруднений был утвержден Министерством внутренних дел».

Наконец, о. Александр был вынужден решать проблему конфликтности внутри братства. Он попытался возродить общину православных диаконисс, в которую собрал двенадцать простых женщин из крестьянского сословия. Но пришлось ее упразднить, так как некоторые женщины «вели себя недостойно высокого звания, которым их наградил о. Александр Гумилевский». Перед создателем братства встал вопрос об источнике и путях возвращения братских чувств, которых не оказалось у многих его прихожан.

Большой интерес слушателей вызвали представленные докладчицей сведения о судьбе Христорожественского братства после отстранения от дел и кончины о. Александра Гумилевского (в том числе история создания братской хоругви), а также рассказ об обретении могилы основателя братства на Смоленском кладбище Петербурга.

Следующая волна распространения православных братств связана с принятием указа 17 апреля «Об укреплении начал веротерпимости» и манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего введение в жизнь России «незыблемых основ гражданской свободы». Названные документы не улучшили положение православной церкви в России, зато открыли возможность неправославным конфессиям свободно вести миссионерскую деятельность, что в свою очередь вызвало желание православных адекватно отвечать на католическую и протестантскую проповедь. Учреждению и деятельности Михайловского и Георгиевского карельских братств (1907–1917 гг.), призванных дать ответ «панфинской агитации» в карельских регионах Российской империи, был посвящен доклад *д-ра филос. наук Марины Александровны Витухновской-Кауппала (Хельсинкский ун-т)*.

Архангельское православное беломорско-карельское братство во имя св. Михаила было основано в Архангельске 17 февраля 1908 г.; Карельское братство во имя святого великомученика Георгия Победоносца учреждено 26 ноября 1907 г. в с. Видлицы. Георгиевское братство действовало на территории Олонецкой и Финляндской епархий, а братство Архангела Михаила — в Архангельской епархии. Осенью 1909 г., когда в Архангельской епархии сменился епископ, братства соединились в одно.

Оба братства начали свою деятельность со сбора информации о ситуации в приходах карельских уездов и столкнулись с двумя основными проблемами: экономическая отсталость региона, нищета местных причтов и храмов и отсутствие взаимопонимания между местным священством и паствой, которое было связано с тем, что священники не владели карельским языком, а карелы плохо знали русский. К тому же служившие в карельских приходах священники далеко не всегда являли собою образцы нравственности и благочестия. Среди направлений деятельности, которые предложили братства, чтобы решить указанные проблемы, были: проповедническая и просветительная работа, создание школ, подготовка переводов священных и церковных книг, а также проекты, связанные с экономической поддержкой карельских регионов.

Марина Александровна продемонстрировала различные методы, избранные братствами. Так, Георгиевское братство ставило во главу угла катехизаторскую, миссионерскую и издательскую работу, оно сконцентрировалось на «духовном окормлении» своей карельской паствы, а Михайловское братство было вынуждено восполнять пробелы в гуманитарной и просветительской деятельности государства в Беломорской Карелии.

Понимая, что они не в силах изменить экономическое положение региона, братства видели свою задачу в том, чтобы «повернуть умы» карелов в сторону России и «русскости», воспитать их «в твердой преданности православной церкви и неразрывном единстве со св. Русью»².

Братства столкнулись с рядом трудностей: нехватка денег, незначительная помощь государства, неопределенность в решении языковой проблемы, тормозившая переводческую и издатель-

2. Воззвание (православного карельского братства) // Архангельские епархиальные ведомости. 1908. № 1. С. 4.

скую деятельность. Неразрешимость ряда проблем приводила к угашению первоначального энтузиазма. В 1912 г. викарный епископ Кеми Варсонофий сетовал в письме к Архангельскому епископу Нафанаилу, что если вначале Михайловское братство «задавалось высокими задачами и широкими целями служения благу карельского народа», то затем «встало на обычный путь для многих благотворительных учреждений удовлетворения лишь просьб из свободных сумм механически-бумажным способом».

Оживленная дискуссия развернулась вокруг проблемы, поднятой в докладе канд. ист. наук *Ирины Александровны Гордеевой (РГГУ, Москва)* «Трудовое братство Н. Н. Неплюева в контексте неославянофильских идей 1860–1890-х гг.»: могли ли православные братства стать альтернативой революционному развитию России? Отвечая на вопрос о том, насколько стремление к братскому собиранию было присуще русскому народу, докладчица отметила, что у Н. Н. Неплюева не было никаких иллюзий в отношении русского крестьянина: «Он чаще писал о недостатках русских крестьян и говорил о том, что необходимо сознательное воспитание в них духовности, религиозности». В то же время она горячо высказалась за серьезное отношение к социальным утопиям, одной из которых стал проект Николая Николаевича. «Утопия — это нормативный идеал, к которому необходимо всегда стремиться, чтобы человеческое общежитие не утрачивало смысл». Попытки Н. Н. Неплюева воплотить свой идеал в жизнь были встречены недоверием и насмешками как в среде государственных чиновников, так и в кругах интеллигенции. По мнению Ирины Александровны, «идеи активного участия христиан в политике критически воспринимались в России как в XIX, так и в XX веке». Поскольку идеи мирного социального преобразования, ставившего во главу угла преобразование человека, были отвергнуты, Россия пошла по революционному пути.

По мнению *свящ. Георгия Кочеткова*, важно различать общественную и политическую проблематику и отношение к ней христиан: «Политика — это особая сфера деятельности, производная от социума и имеющая отношение к функционированию государства. Но государство — это не общество, хотя с советских времен у нас это часто отождествляют. Поэтому Неплюев мало похож на политика, но, безусловно, является социальным деятелем».

Пример Н. Н. Неплюева, по мнению о. Георгия, может многое прояснить в позиции современных православных братств, в частности, Преображенского, которое декларирует отказ от полити-

ческого действия не потому, что политика — недостойное дело, а потому, что «на сегодняшний день нельзя заниматься и возрождением церкви, и политикой — для этого нет ни сил, ни возможностей». Для жизни православных братств как части церковного и общественного организма очень важен социальный вопрос, требующий различения церковного и светского и разделения церковного и мирского.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

